

Дмитрий Воскресенский

Лондон. Арка на Констигьюшн Хилл.

Вторая половина XIX в. предстала перед Китаем временем тревожным и во многом необычным. Именно в эти десятилетия, в период правления маньчжурской династии Цин, Срединная Империя вплотную столкнулась с западной цивилизацией, столь непохожей на собственную, возвращённую на почве традиционных идей, привычек, ритуалов. К 1870-м годам, казалось, несколько ослабло пламя громадного пожара, зажжённого тайпинами, частично окончились Опиумные войны, однако на самом деле конфликты, внутренние и внешние, продолжали терзать ослабленную и вконец одряхлевшую Цинскую империю. С середины столетия и даже немного раньше в Китае стали раздаваться голоса о «самоусилении», о необходимости перенимать опыт западных стран и Японии, где в это время уже начали проводиться реформы. Известное в китайской истории нового времени «Движение Заморских дел» подготовило почву для распространения реформаторских идей 80–90-х годов (Кан Ювэй, Лян Цичао и другие). «Иноземные веяния» постепенно овладевают всё большим числом людей, чему способствуют разные обстоятельства, например, появление прессы, которая фактически не существовала раньше, публицистики, переводов европейской литературы: фи-

Дмитрий Николаевич Воскресенский – китаист-литературовед, профессор Литературного института им. А.М.Горького, доцент Института стран Азии и Африки при МГУ, член Союза писателей.

лософской, социально-политической, художественной и т.д.

В 1862 г. в Китае открылось училище Тунвэньгуань, в котором преподавались иностранные языки и естественные науки. А в 1872 г. произошло нечто невиданное: в Америку для постижения новых знаний были отправлены сто двадцать отроков 12–13 лет. Им предстояло учиться в престижных университетах и колледжах (Колумбийском, Йельском и других учебных заведениях) – событие, которое до сих пор отмечается китайской общиной в США. Для Китая, несомненно, это было важное начинание, которое имело свои последствия. Некоторые из этих молодых людей внесли новую струю в политическую и интеллектуальную жизнь страны. Один, Лян Чэн, стал известным дипломатом. Какое-то время он занимал пост генерального консула в Сан-Франциско, где уже тогда существовала довольно многочисленная китайская община; другой стал активным участником Синьхайских событий; третий занял пост первого ректора знаменитого университета Цинхуа и т.д. Словом, во второй половине столетия образ Запада постепенно становился привычным в социальной и культурной жизни Китая, прежде всего в образованных слоях общества. В этой связи большой интерес представляют первые впечатления китайцев, побывавших в Европе и оставивших свои дневники или воспоминания.

Чжан Дэи в лондонской фотостудии.

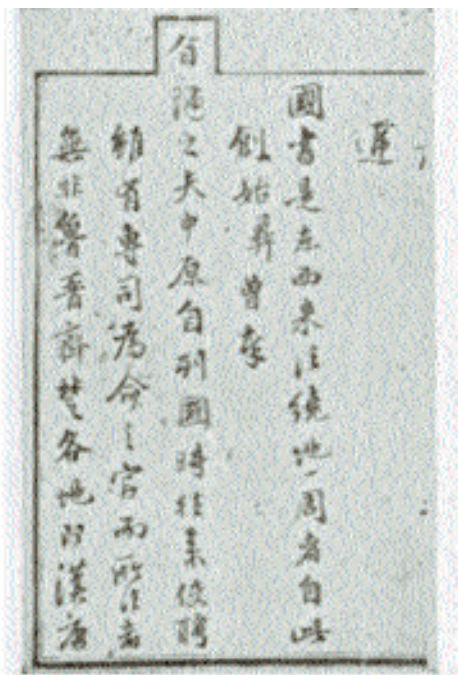

Среди них довольно известные фигуры: Го Ланьгао, Цэн Цицзэ (сын сановника, генерала и литератора Цэн Гофана), Сюэ Фучэн, реформаторы-просветители – Лян Цичао, переводчик и ученый Янь Фу. К этой плеяде китайцев, открывавших новые стороны западного мира, следует отнести Чжан Дэи – человека, быть может, не столь видного, как вышеназванные личности, но не менее значительного и интересного. Список стран, которые он посетил за несколько десятилетий своей дипломатической деятельности, впечатляет. Среди них Англия, Франция, Германия, Италия, Россия, Голландия, Соединенные Штаты и другие. Особенный интерес представляют Англия и Россия. Первая играла особую роль в Европе и в отношениях Запада с Китаем, к тому же автор её достаточно хорошо знал, во вторую Чжан попал в преддверии важных российско-китайских переговоров, закончившихся подписанием Санкт-Петербургского договора 1881 г.

«Заморская карьера» Чжан Дэи

Китайские источники (например «Словарь Новой истории Китая») о нём пишут кратко. Чжан Дэи (1847–1918), второе имя Цзайчу, принадлежал к среднему служивому сословию. После окончания общественной (бесплатной) школы – *исюэ* он был направлен в только что открывшееся училище Тунвэньгуань. В 1866 г., девятнадцати

Фрагмент дневника Чжан Дэи.

лет отроду, Чжан получил ранг чиновника 8-го (предпоследнего) разряда, отмеченный золотым чеканным шариком на шапке и эмблемой в виде куропатки на груди. В том же году его отправили с миссией сановника Бинь Чуня в Европу, где он посетил сразу девять стран.

Так началась «заморская карьера» Чжана, сначала драгомана (переводчика), а потом карьерного дипломата. В 1868 г. в должности *тунши* – «познающего дела» (толмача и секретаря) он снова побывал в Европе, а затем в Америке. В 1870 г. Чжан Дэи был отправлен с важной миссией государственного сановника Чун Хоу во Францию для улаживания так называемого «Тяньцзиньского инцидента». С 1876 г. он работал в Англии, затем был переведён в Россию, где также пробыл около двух лет. Какое-то время дипломат служил в Париже. Когда же ему предложили снова отправиться в Россию, Чжан отказался, сославшись на болезнь отца. Он уже занимал достаточно престижный пост дипломатического секретаря и прослыл одним из знатоков европейских дел и (что не менее важно) специалистом, умеющим изъясняться на иностранных языках. В Китае Чжан не только продолжал успешно продвигаться по службе, но стал даже учителем юного императора Гуансюя.

В 1896 г. Чжан Дэи снова оказался в Европе, уже в ранге советника, а в 1901 г. он, став сановником 3-ей степени (синий сапфировый шарик на шапке и нагрудный знак павлина), был направлен официальным посланником – *дачэнем* в Англию, Италию и Бельгию. В 1905 г. дипломат вернулся в Китай, о его дальнейшей жизни известно мало.

Лондон. Вестминстерский мост.

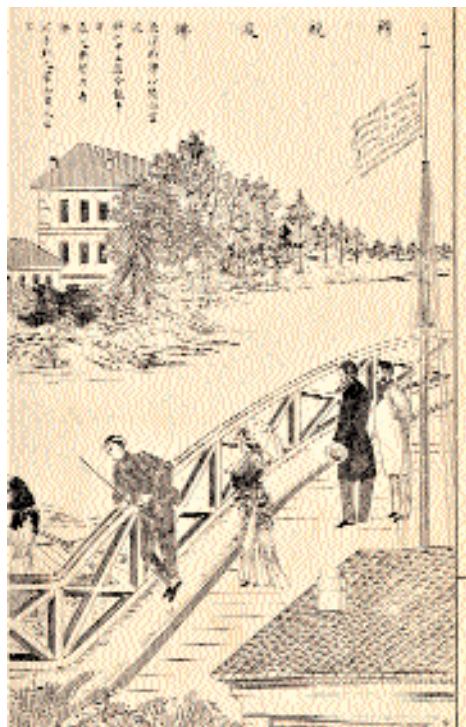
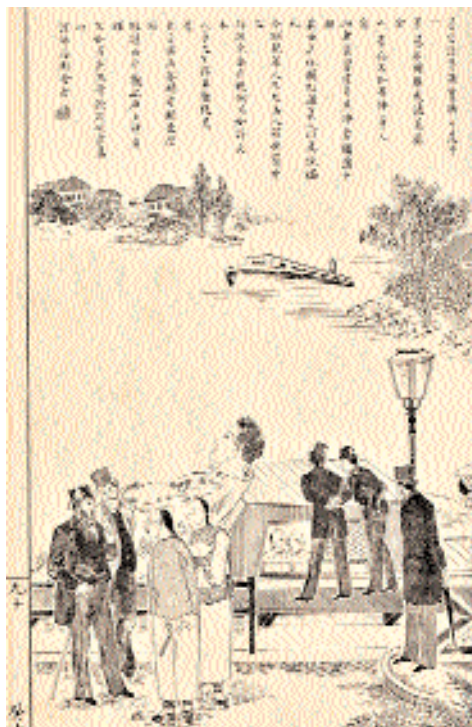
Чжан Дэи гордился тем, что ему довелось быть одним из первых дипломатов-китайцев, открывших Китаю западный мир. Любопытно, что значение иероглифов своего второго имени Цзайчу – «Находящийся впереди» он связывал именно с зарубежными поездками: «Наверное, в этом начинании я оказался первым. Ну разве это не удивительно!»

Чжан Дэи считал свои поездки «удивительными», потому что каждый раз видел постоянно меняющийся мир, о котором он писал, наблюдая увиденное не как новичок, но как знаток, и старался донести это до «благородных мужей Поднебесной». По существу это было чисто просветительское намерение, вполне соответствующее духу времени.

Сохранился портрет Чжана, сделанный в одном из фотоателье Лондона. Дипломат облачен в темную кофту – *куруму*, которая накинута на длинный светлый халат с разрезами по бокам. В его руках веер – непременный спутник китайского интеллигента. Косы не видно, она забрана под традиционную китайскую шёлковую шапочку (случайно или намеренно?). На вид Чжану за тридцать, его лицо говорит о человеке незаурядном, каковым он и был в действительности. Один из авторов предисловия к книге Чжан Дэи, например, отмечал: «Мой друг Чжан Дэи обладал отменной волей, ярким талантом, остротой знаний, изрядной смелостью. Подобные качества не всегда имеют даже люди выдающиеся!».

Дневники дипломата

Пребывание в странах Запада Чжан Дэи описал в нескольких своих сочинениях. Пожалуй, наиболее содержательное среди

Переправа в США статуи Будды.

них – «Записки о посольстве в Англию и Россию», которое автор назвал еще «Четвертым рассказом о вещах удивительных». Оригинальные издания дневников Чжана хранятся в Пекинской библиотеке.

Записки китайского дипломата имеют ряд особенностей, о которых стоит сказать. Прежде всего, удивляет систематичность, скрупулезность и пунктуальность описаний, день за днём. Причём наибольшей подробностью в описаниях увиденного отличается как раз «Четвёртый рассказ», поскольку писал его человек, уже умудрённый жизненным опытом. Дневник, как известно, относится к субъективным видам словесного творчества, у Чжана он в значительной степени носит объективный характер, в нем почти нет авторских эмоциональных суждений. Не очень заметен литературный «лоск», который нередко встречается в подобных рассказах путешественников-литераторов (например, современников Чжан Дэи – россиян Гончарова или Крестовского). Сам Чжан о своей манере письма говорит: «Сия книга представляет собой ежедневные записи, которые я делал, стараясь прогнать от себя демона сна, а потому язык их лишён изысканности и он, быть может, даже вульгарен». Чжан писал на старом книжном языке – *вэньяне*, но не слишком часто прибегал к особым литературным изыскам и художественным

красотам, свойственным этому стилю (хотя и не чурался кое-где украсить лапидарный стиль традиционными образами), поэтому он посчитал свои дневники «вульгарными словесами».

Чжан Дэи прежде всего интересуют события, факты, детали. Он похож на наблюдателя-хрониста, излагающего явления жизни скупно и как бы нейтрально. Этим он немного напоминает былых китайских летописцев, которые изображали ход исторических событий, не забывая при этом рассказывать о нравах. Чжан почти не пишет о своих собственных чувствах и переживаниях, хотя иногда и позволяет себе уйти от сухих фактов. Не часто также можно видеть и развёрнутые характеристики коллег (особенно послов) или людей, с которыми он встречался. Будучи искушённым в дипломатических перипетиях и живущий в сложных условиях контроля и взаимослежки, которые существовали в китайских миссиях, Чжан воздерживается от пространных политических оценок событий. Он, в частности, пишет: «В настоящей книге я пишу о местных обычаях и нравах людей Запада, поэтому в ней говорится о разных мелочах, которые я без оглядки нанизываю в одну цепочку. Что до политических событий, то бишь разного рода успехов и просчётов, то о них можно узнать из книг, написанных иностранными авторами».

ранцами. [...] Несколько раз я отправлялся за океан. И хотя к стыду своему могу называться драгоманом, я ничего не пишу о делах потаённых. Как в поговорке «Золотой истукан сомкнул уста».

Образ «истукана, сомкнувшего уста», – это метафора, характеризующая человека сдержанного и молчаливого. Но в чём Чжан был поистине безудержен, так это в описании «мелочей и деталей», то есть в изображении жизни и быта разных стран. И здесь он не скупится на подробности. Так например, он начинает ежедневный рассказ с непрямого и точного упоминания дня (обычно по китайскому календарю) и даже часа, используя традиционные циклические знаки, обозначающие время. Он везде также говорит о погоде. По его записям можно составить хронологическую таблицу событий или климатическую карту Лондона и Санкт-Петербурга.

В своём дневнике Чжан Дэи по-своему передаёт имена и названия с помощью иероглифов, имеющих близкое звучание с оригиналом. Но такая своеобразная транскрипция порой имела довольно отдалённое сходство с оригиналом – общая беда китайских авторов и переводчиков западной литературы. Причём нередко одно и то же название им и другими воспроизводилось по-разному. Так, район, где остановилась китайская миссия в Лондоне, назывался Portland Place. В записках посланника Го Ланьгао он упоминается как *Бокэлунь-болисы* или *Боэрдэланьболаньсы*. У Чжана это же место именуется как *Поланьфан*. По-китайски *фан* – это торговый ряд, цех, гильдия, место. Чжану казалось, что такое калькирование названий более понятно его современникам.

Дневниковые записки Чжан Дэи имеют ещё одну любопытную особенность – ежедневные зарисовки нередко дополняются комментариями. Как правило, это ссылки на какие-то источники, факты и цифры, почерпнутые в западных и китайских книгах, а порой из бесед. Ему удалось увидеть многое: он посещал государственные учреждения, суды и тюрьмы, арсеналы, побывал в морских портах, научных обществах и клубах, местах увеселений – театрах, на скачках, теннисных кортах, в пабах. Чжана интересует быт, привычки и склонности аристократов, государственных служащих или торговцев, обязанности слуг в богатых домах Лондона и Санкт-Петербурга. Он рассказывает даже о технике написания визитных карточек и правилах их вручения или передачи адресату и т.д.

В лондонском зоопарке.

Порой он ссылается и на китайские книги (сочинения Конфуция, Мэнцзы и других авторов), дабы вызвать у китайского читателя знакомые ему ассоциации. Таким образом, его дневники интересны с разных точек зрения, но главное, что привлекает внимание читателя – это именно подробности жизни и быта, которые часто ускользают от внимания даже современников, так как кажутся банальными. Автор небольшого предисловия к книге дневников Чжан Дэи некий Чжан Жуй в 1889 г. писал: «В этой поездке принимало участие много людей. Одни восхищались красотой заморских нарядов и разного рода вещей, других забавляли искусно сработанные инструменты. И лишь Чжан Дэи с самого начала смог, изучив местные обычаи, обозреть людские нравы и, собрав вместе все свои наблюдения, об этом написать».

Первые впечатления

«Итак, в час *сюй* с четвертью (с 7 до 9 часов вечера) мы прибыли в Лондон. По дороге мы наслаждались чудесными видами: поля, разделённые межевыми полосами, зелёные холмы, красивые величественные здания. Словом, перед нами открылся совершенно другой мир».

Дабы подчеркнуть необычность увиденного, Чжан прибегает к образу «пещерные небеса» (или «небеса из пещеры»), которые ассоциируются с местом обитания бессмертных небожителей (намёк на известное сочинение поэта Тао Юаньмина «Персиковый Источник», своеобразную китайскую утопию).

«Мы сошли с поезда на станции Черринг-Кросс, где нас уже встречал англича-

нин Т., служивший в Тяньцзиньской таможне и приехавший на родину в отпуск. Пришел г-н Цзинь Дэнгань с супругой, они вызвали экипаж с двумя лошадьми, который доставил нас в нашу резиденцию. На улицах сияли огни, будто тысячи ярких звезд, туда-сюда сновали экипажи, в воздухе висела то ли дымка, то ли туман».

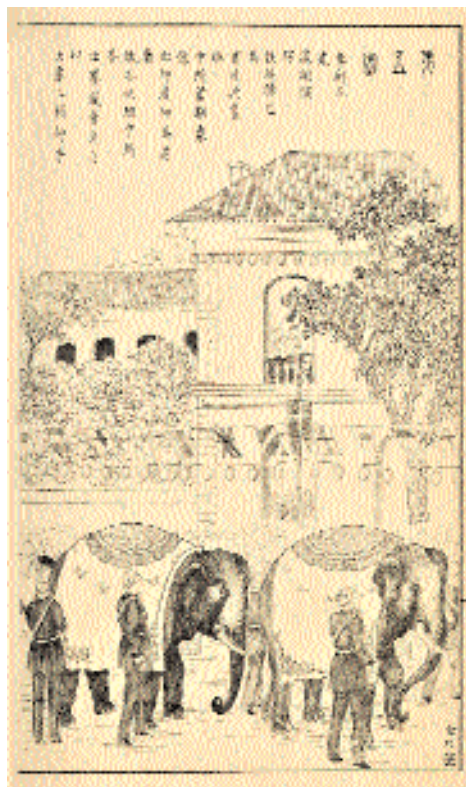
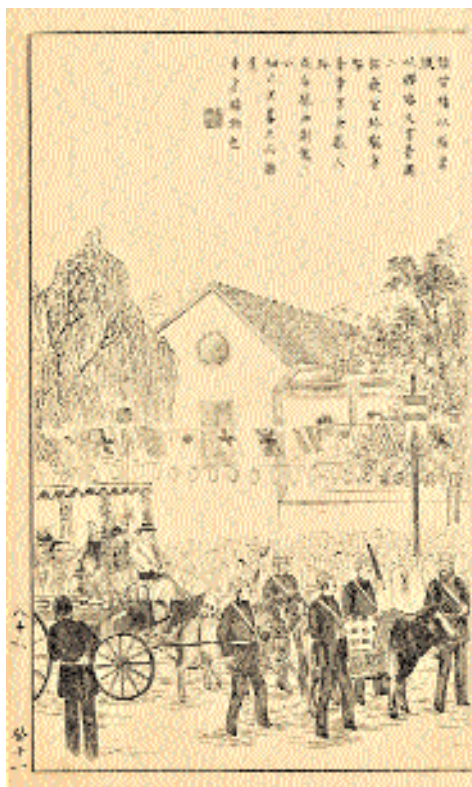
Китайская миссия обосновалась в четырёхэтажном здании в центре Лондона, рядом со знаменитыми Оксфорд-стрит, Риджент, Мерилбоун, уже облюбованными иностранными представительствами. «При доме состоял управляющий, ведавший всеми делами, и привратник, а также слуги, которые обслуживали гостиную залу и кабинеты и отвечали за доставку продуктов. Одна женщина следила за состоянием домашней утвари. Кроме того, были еще две горничные, повариха и её помощница. Мы имели экипаж с парой лошадей, при нём кучер и слуга-курьер».

Чжан далее пишет: «Наша улица ровная и чистая, дома на ней весьма солидные. Днём на ней можно видеть множество экипажей и густые толпы людей. Когда спускаются сумерки, зажигаются яркие огни и становится светло, как днем. Словом, это весьма изысканный район города...».

Часто обращается он к описаниям Лондона.

«Улицы, по коим нам приходилось ездить, довольно ровные, а грязи на них нет. Здания красивые и величественные. Рядом со многими улицами можно заметить небольшие сады, окружённые железной оградой. Здесь растут деревья и цветы, кое-где видны небольшие водоемы, по берегу коих возвышаются беседки и павильоны. [...] Дома стоят вплотную друг к другу, занимая всё пространство вокруг. Кажется, что от такого скопления домов трудно дышать, ибо в воздухе разливаются болезненные пары. Как видно, сады и парки создаются здесь для того, чтобы люди могли бы свободно гулять и дышать полной грудью. Садовые служащие ежедневно занимаются уборкой и поливкой растений. [...] Улицы с двух сторон покрыты белой брусчаткой или засыпаны угольной крошкой – это тротуары, где ходят люди. Сама дорога выложена утрамбованным щебнем или деревянными брусками – то проезжая часть, предназначенная для экипажей. По широким улицам могут проехать четыре-пять повозок, по узким – две или три. Все улицы весьма разные. Дома жителей города и служебные здания видом своим весьма схожи, имеют четыре-пять этажей, стены домов каменные с колоннами, перед воротами железная ограда. В торговых лавках большие стеклянные витрины, в коих лежат товары,

Торжественное шествие слонов в Шанхае.

и их видно снаружи. Церкви, лечебницы, гостиницы, театры, а также дома призрачные представляют собой постройки многоэтажные в сто *чи* высотой и выглядят они весьма величаво».

Чжан Дэи с ноткой одобрения отзываясь о внешнем виде Лондона, возможно, мысленно сопоставляя его с улицами китайских городов, о которых неоднократно и довольно откровенно писали приезжавшие в Китай иностранцы. Достаточно привести фрагмент из описаний Пекина начала XX в. российского врача В. Корсакова: «Тучи густой уличной вонючей пыли сразу обдали меня всеми оттенками вони от человеческих и животных отбросов; уличное движение невообразимо громадно: особые китайские на двух колесах с синей холщовой покрывшей тележки с закрытыми спереди занавесками от пыли, из под которых высунуты только ступни ног седока».

Понятно, что Чжан пишет о многочисленных и удобных средствах передвижения в Лондоне, столь отличавшихся от китайских рикш и паланкинов.

«В английской столице существуют двухколесные экипажи с одной лошастью, которые называются *ханьсэнь* (название восходит к имени изобретателя архитектора Хэнсома. – Д.В.), которых насчитывается в городе свыше 9900, но есть и четырехколесные *кэту* (кэбы. – Д.В.) или *фохуэй* (очевидно, фэтонны. – Д.В.), оных здесь 10 тысяч 166. Кроме того, существуют ещё пароконные повозки, а также телеги, запряжённые одной или двумя лошадьми, которые развозят товары. Этих повозок не меньше

10 тысяч. А ещё существуют экипажи богатых лиц с одной или парой лошадей, таких во всём городе свыше 40 тысяч».

Надо заметить, что в то время лондонские виды транспорта были действительно весьма разнообразны. Кроме названных были omnibus, бумы, карты и т. д. Некоторые из них интересно и подробно описал известный философ и литературовед Густав Шпет в своих замечательных комментариях к «Запискам Пиквикского клуба». Как и Чжан, он, в частности, пишет о хэнсоме: «Это почти квадратная коробка на двух колесах, имевших первоначально 7,5 фута в диаметре (такой же высоты была и сама коробка), сидение для кучера было устроено позади коробки, так что вожжи кэбмена лежали на крыше экипажа». Записи Чжан Дэи порой напоминают такие же комментарии.

Чжан обращает внимание даже на бережное обращение с лошадьми. Двадцать девятого числа в день *имао* он записал: «Сегодня воскресенье, погода прекрасная. На улицах множество людей, а вот экипажей не слишком много. Они двигаются по улице очень медленно, ибо лошадей хлестать кнутом обычно не положено. Лондонское Общество защиты животных запрещает хлестать лошадей слишком сильно, к тому же груз, который они перевозят, не должен превышать норму. Если животное заболело, его использовать не дозволено, если же кто-то ослушается и нарушит правила, полицейский, узнав о проступке, немедленно назначит провинившемуся штраф».

Лондон. Стрэнд.

Иногда записи Чжан Дэи содержат не просто визуальные наблюдения, а в некотором роде обобщения.

«Нередко, наблюдая за людьми, живущими в богатых домах столицы, я видел, что, обитая в просторных помещениях и лакомясь всевозможными яствами, ежедневно пребывая в радости и веселье, они, тем не менее, имеют хилый вид и часто болеют. Между тем люди бедные и сырые, живущие в хибарах и питающиеся грубой пищей, изо дня в день снующие туда и сюда, остаются крепки телом и никогда не болеют. Я в детстве был слабым ребёнком, меня часто тошнило, я мучился животом, а потому не мог досыта есть. Поступив в училище Тунвэньгуань пятнадцатилетним отроком, я ежедневно проходил 16–17 ли, и тогда все мои старые недуги исчезли, я окреп телом и духом, стал больше есть и пить. Такова истина сохранения жизни, то бишь, гигиена».

А вот как Чжан Дэи пишет об умении англичан заботиться о своем отдыхе. «Сегодня воскресенье, все государственные учреждения и лавки закрыты, поэтому служащие, как и простой люд, не работают. Словом, всякий труд нынче прекращается: «Лошади не скачут, волю не пашут». Люди прекращают трудиться и предаются отдыху уже накануне воскресенья, после полудня. Служащие государственных учреждений, работники разных контор, слуги в богатых домах, прислуга в отелях отправляются с визитами к родным и друзьям или проводят время, как кому вздумается, например, в свое удовольствие гуляют в парках города. Таким образом, один день недели целиком отдаётся отдыху, когда можно, как говорится, встряхнуть свой дух и очистить сердце, дабы не породить телесного утомления, избежать дурного соблазна и не снизойти до мелочного поступка».

Говоря об отдыхе и здоровье англичан, Чжан не мог не коснуться знаменитых лондонских туманов, которые не только докучают горожанам, но и наносят вред организму. Пишет об этом он весьма своеобразно:

«Двенадцатый день – *усюй*. Утром стоял густой туман, который содержит в себе ядовитые пары. В книге «Бо И Чжи» («Записки о разных вещах», создана Чжан Хуа в эпоху Цзинь, III–IV вв. н.э. – **Д.В.**) говорится: «Три человека шли в тумане. С одним ничего не случилось, второй заболел, а третий умер. Первый перед этим пил вино, второй сытно поел, у того, кто скончался, желудок был пуст. Значит, всякий, кто при тумане отправляется в путь, должен

Маньчжурский чиновник.

непрерывно выпить несколько чарок вина. Винные пары, поднявшись кверху, противостоят парам тумана. В этом и состоит истина, которую надобно довести до всех, кто рядом с вами. В час *вэй* туман рассеялся и пошёл мелкий дождь».

«Двор водяной живности» и блошинный театр

Сравнительно молодого ещё человека интересует в Лондоне всё, едва ли не каждое его сообщение даже сейчас вызывает интерес: исторический, этнографический, чисто бытовой. Скажем, в 14-й день *гэньцзы* он пишет о лондонской торговле:

«Пасмурно. После полудни от *чжэнсяна* Д. (первый министр двора, вероятно, Дизраэли. – **Д.В.**) пришёл человек. По слухам, столичные чиновники, военные и штатские, собирают деньги, на которые они откроют магазины разных товаров на Оксфорд-стрит и в других местах города. Каждый из вкладчиков получает особый билет, согласно коему он может продавать свой товар, однако передавать его посторонним он не имеет права. В результате после ежедневных расчетов вкладчики получают некоторую прибыль, которая распределяется поровну».

На следующий день Чжан делает запись о лондонских газетах. Он перечисляет основные издания, давая их названия опять же в своей собственной транскрипции, понять которую порой весьма затруднительно. Например, загадкой остаются упомянутые им «Айкоу», «Аила» или «Лайкокуинь». Впрочем, Чжан и сам не скрывает

трудности воспроизведения на китайском языке английских названий. Особо отмечает он «Time» и «Illustrated News», информация из которых иногда попадала в шанхайскую прессу. Кстати говоря, именно под влиянием английской печати в Китае появились похожие издания, например, известная иллюстрированная газета «Дяньшичжай хуабao», которая выходила в восьмидесятых годах XIX в. в Шанхае.

Чжану пришлось знакомиться с деятельностью разных учреждений городских служб, государственных управ и всевозможных контор. Посещение их входило в его обязанности драгомана и секретаря посла. Порой бывали весьма курьёзные случаи. Об одном из них он пишет в своём дневнике.

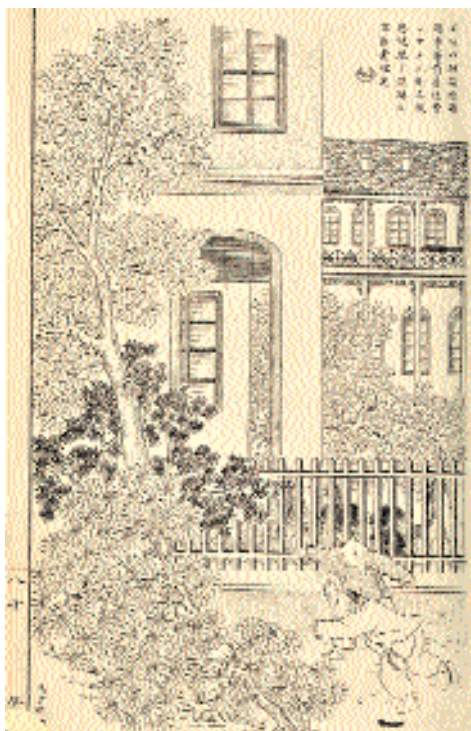
«В тот день наши слуги, А-мао и Янь-си отправились за покупками на рынок. Неожиданно им по дороге встретился какой-то пьяный, который шутки ради стукнул А-мао по голове, да так, что с парня свалилась шапка, а сам он упал. Бедняге показалось, что его стукнул Янь-си и он полез в драку. Но тут пьянчужку схватили четверо прохожих и передали его полицейскому (констеблю), который отправил его в участок, где наши слуги и четверо прохожих записали свои имена в особую книгу. Им сказали, что на следующий день в десять часов утра они обязаны явиться в суд».

История получила забавное продолже-

ние, а Чжан смог непосредственно познакомиться с особенностями английского судопроизводства.

«Пьянчужка признался, что от выпитого вина у него помутилось в голове, а потому он-де стукнул китайца. Наши слуги и прохожие заявили, что они никого не задевали. Сверившись с законоположениями разных стран, чиновник-судья изрёк: «Согласно китайским законам в подобных случаях человек обязан дать клятву, для чего он должен опуститься на колени и, держа в руках фарфоровое блюдо, поднять его высоко вверх, сообщая тем самым Небу, что сердце его чисто, а в словах нет лжи. После этого блюдо надобно бросить на землю, чтобы оно раскололось, и во всеуслышанье заявить: «Если я сказал неправду, то пусть через двенадцать часов меня будет ждать возмездие и произойдет то, что случилось с этим блюдом!»». «В западных странах, – продолжал чиновник, – также существует обычай давать клятву Небу, а потому мы поступим именно так, как гласят китайские законы». Сотрудник миссии Ма на это ответил: «Хотя подобные правила в Китае и не существуют, однако можно вполне следовать сказанному». Приказав А-мао и Янь-си встать на колени, судья промолвил: «Виновника зовут Булль, ему 46 лет и он кузнец. Здешний житель, он посмел совершить столь необдуман- ный поступок, а потому нынче его ждёт су-

Сцена из китайской жизни (слуга миссионера избивает китайских мальчишек).

ровое наказание – заключение в тюрьму сроком на 4 месяца, дабы неповадно было так поступать впредь. О его поступке будет напечатано в газете». С подобным решением судьи все согласились. Он поблагодарил четверых прохожих и дал каждому по юаню (возможно, гинею.– **Д.В.**).

Чжана интересовали разного рода общества – географические, астрономические, медицинские, благотворительные учреждения вроде сиротских приютов, домов для престарелых и даже ассоциаций глухонемых. В дневниках он объясняет разные стороны их деятельности, состав участников, финансовые возможности, денежные источники и т.д. Дипломат использовал любую возможность, чтобы посетить то или иное место Лондона. В дневнике можно встретить сведения о Тауэре, Вестминстерском аббатстве, Ковент-Гардене, Британском музее и музее мадам Тюссо, зоопарке и аквариуме. Последний – одно из излюбленных мест развлечений лондонцев – у Чжана получил причудливую транскрипцию *Лоякауфлянму*, что при известной доле фантазии можно определить как Royal Aquarium. «Двор водяной живности», так назвал его Чжан, очень заинтересовал дипломата, он пишет обо всём весьма подробно, вплоть до «женщины-рыбы» и танцев «афганских негров». (Упоминание Афганистана появилось, скорее всего, в связи с англо-афганской

войной). Посетители, отмечает Чжан, могут отведать здесь изысканные кушанья, поиграть в крикет, увидеть собачий и обезьяний театр, полюбоваться искусством акробатов, жонглёров. Особенно удивил Чжана блошинный театр.

«В небольшой комнате показывали блошинный спектакль, за который надобно было заплатить шиллинг. Дрессировщик блох научил своих созданий тянуть экипаж, толкать жёрнов, причём экипаж и жёрнов ничем не отличались от настоящих, только были мелкие – величиной с зеленый боб. Говорят, чтобы научить этому искусству блоху, надо потратить четыре года. Каждый вечер дрессировщик сажает насекомое на свой палец, и блоха в течение часа сосёт его кровь. Вот почему на его руке видны пятнышки крови и волдыри. Верно, это очень тонкое искусство, и даётся оно тяжелым трудом!».

Лондонский быт

Непрерывной составной частью дипломатического и «приватного» поведения сотрудника китайской миссии за рубежом были официальные и неофициальные визиты в дома англичан, участие в званых обедах, ланчах, чаепитиях, разного рода домашних мероприятиях вроде вечерних концертов, игр и т.д. Судя по дневникам, таких встреч иногда бывало чуть ли не по несколько раз

Лондон. Дома Елизаветинской эпохи.

на неделе. Чжан пишет об этих визитах с удовольствием, поскольку он открывал для себя много нового и любопытного. Лондонский дом с его внутренним распорядком, нормами бытового поведения обитателей становился объектом пристального внимания дипломата.

Вот одна из многочисленных записей, сделанная в связи с приёмом гостей в богатом доме Лондона. Примечательно, что речь идёт о правилах поведения прислуги.

«Слуги и горничные встают рано, ложатся спать поздно. Одеты они аккуратно и чисто. Особую проворность и ловкость проявляют те, кто открывают и закрывают двери. Ежедневно, независимо от того, ждёт ли хозяин гостей или нет, они должны быть всегда наготове. В противном случае гостю придется слишком долго прождать у дверей, а привратнику трудно будет объяснить, что хозяин, мол, куда-то ушёл или он занят. Одним словом, это будет проявлением непочтительности к пришедшему. Ещё большую невежливость явит тот, кто откажется от приема гостя, сославшись на недуг, и пошлёт кого-то из близких. [...] Среди слуг дома один занят уборкой помещения, другой исполняет обязанности «подносящего кубок» (старое слово, которое автор использует для объяснения понятия старшего слуги или мажордома. – Д.В.), ещё трое-четверо слуг выполняют обязанности курьеров и посыльных. [...] Слуги обычно одеты в чёрные камзолы с «ласточкиными хвостами» (фалдами. – Д.В.), на них короткие штаны из красного атласа и длинные белые шёлковые чулки, заправленные в чёрные, начищенные до блеска, туфли. Слуги, которые прибирают комнаты, как и «подносящий кубок», облачены в чёрные костюмы с белым галстуком».

Описание быта и бытового ритуала занимает в дневниках значительное место. Чжан как бы мысленно сопоставляет поведение англичан с китайскими традициями и жизненными правилами. Он продолжает:

«Если в доме имеется один «подносящий кубок» и двое других слуг, то последние заняты чисткой хозяйских сапог или одежды, а первый следит за входной дверью. Если же в доме лишь один слуга-мужчина, то утром, пока он завтракает, двери сторожит горничная. Коли мужчин-слуг в доме нет совсем, а работают лишь две прислуги, то пока одна из них занимается уборкой помещения, другая должна стоять возле дверей. Если же её в доме нет, то у дверей находится повариха, которая сторожит здесь с часа *сы* (9–11 часов утра. – Д.В.) ровно

до полудня, а в это время горничная наводит порядок в комнатах. Однако до полудня посетителей обычно бывает мало, из тех, кто стучит в это время в дверь, всё больше сборщики налогов, монахи, просящие подаяние, торговцы да разносчики товара. [...] Если гость пришёл вместе со слугой, то в дверной колокольчик звонит слуга, который спрашивает, дома ли хозяин, при этом он не сообщает, кто приехал с визитом. Если посетитель появился без слуги, то в дверь звонит извозчик и тогда привратник обязан идти к экипажу, где гость спрашивает, дома ли хозяин. В случае отсутствия хозяина дома привратнику передают визитную карточку. Если же хозяин в этот момент находится дома, то гостя в сопровождении слуги проводят в гостевую залу, при этом спрашивают его имя, после чего перед ним распахиваются двери и слуга докладывает: «Прибыл такой-то!».

Такие подробности, которые сейчас кажутся тривиальными, в то время были, несомненно, интересны китайскому читателю, не слишком заражённому недугом ксенофобии, который, кстати, был весьма силён в ту пору в Китае.

Посол принимает гостей

Очень подробно, не упуская ни малейшей мелочи, Чжан Дэи рассказывает о приёме в резиденции «звёздного посланника» Го Ланьгао (так часто называет его Чжан, используя старый китайский термин *синши*. – Д.В.). Ему предшествовала любопытная

**Торжественное убранство
английского консульства в Ханькоу.**

приватная беседа Чжана с послом, которая характеризует китайские нравы той поры.

«В начале часа *шэнь* (3–5 часов пополудни. –Д.В.) я вместе с послом отправился в экипаже с визитом к А. По дороге посол обратился ко мне со словами: «Нынче утром я, посоветовавшись с Яо Яньцзяо, решил 19-го числа 5-й луны устроить приём с чаепитием и поручил Ма Цинчэню составить список приглашённых, а госпоже Го напечатать пригласительные билеты». Я заметил: «По западным обычаям устроительницей подобного приёма обычно бывает хозяйка. Сейчас же получается, что гостей приглашает сам государев посланник. Впрочем, существующее правило можно несколько изменить, не обязательно строго придерживаться установленных норм». Посол ответил: «Обсуждать этот вопрос мы не станем, к тому же англичанам хорошо известно, что я с собой привёз близкого мне человека (Го имеет в виду младшую жену, используя для этого особое слово *цзюань*. – Д.В.). Я сказал: «По моему глупому разумению, кто не готов рисковать, тот не сможет никого убедить». «Тогда рискнём!» – воскликнул Го. Я заметил: «В западных странах так повелось, что если мужчина оглашает имя «подобной жене» (в Китае так называлась младшая жена или наложница. – Д.В.), то это не наносит вреда престижу человека. Однако же, если слух об этом дойдёт до Срединной Империи, боюсь, могут возникнуть досужие разговоры, появятся разные толки!». Посол надолго задумался, а потом, как это бывает,

«сменив грусть на радость», воскликнул: «Будет так, как я сказал!».

Пикантность ситуации заключалась в том, что посланники Маньчжурской империи обычно приезжали в Европу не с женами, а с наложницами, которые лучше ориентировались в светской жизни. Госпожа Го, о которой говорит посол, на самом деле была его наложницей, и её появление в лондонском свете могло создать сложности для чиновника высокого ранга. Кстати, аналогичная ситуация изображена в известном романе Цзэн Пу «Цветы в море зла», который был опубликован в начале XX в. В нём за литературными героями скрывались реальные фигуры чиновников и дипломатов той поры.

Сам приём описан Чжан с подробностями, которые не потеряли своей привлекательности и сейчас.

«19-го числа, в день *учэнь*, стояла ясная погода. Сегодня был устроен приём, который длился с утра и до вечера. Слуги и рабочие всё в доме прибрали и расставили, как положено. От самых дверей и до помещений второго этажа горели светильники, стояли свежие цветы, на полу был расстелен красный ковёр. Лестничные перила украсились белыми шёлковыми лентами и ниспадающими книзу пурпурными кистями, красоту коих оттеняли алые розы, пионы и камелии. В гостевой и столовой залах, освещённых разноцветными лампами, повсюду можно было видеть живые цветы. На длинных столах между блюд с закусками, бульонами, холодным мясом и сахаренными фруктами стояли бутылки с вином, чашки для чая и кофе, мороженое. Здесь же аккуратнейшим образом разложены ножи с вилками, стеклянные и фарфоровые сосуды, серебряные чарки. Всё ослепительно сияло и сверкало. Напротив гостевой залы воздвигли стенку из живых цветов, за которой скрывались музыканты, одетые в красное. В двух комнатах рядом со столовой залой, где обитал Ма Цинчэнь, из деревянных досок соорудили вешалки, здесь гости могли раздеться. Между верхним гостевым залом и двумя комнатами, где проживали мы с Фэн Куйцзю, после удаления перегородок образовалось одно большое пространство. На полу соединённой залы лежал красный ковёр, на стенах развешаны зеркала и светильники. За окном появилось сооружение в виде шатра, здесь стояли вазоны с живыми цветами, которые украшали многоцветную башню из льда. На втором этаже в пяти комнатах посла всё аккуратно прибрано и обстановка радует глаз своей красотой. Здесь тоже

Лондон.
Вестминстерское аббатство.

Китайские чиновники встречают корейских гостей.

повсюду цветы, сверкают украшения, звучит музыка. У ворот перед домом поставили будку, в которой дежурят шесть караульных, призванных поддерживать порядок. С часа *хай* (9–11 часов вечера. – Д.В.) до часа *инь* (3–5 часов утра. – Д.В.) всё еще приезжали гости: люди богатые и знатные, мужчины и женщины. Всего на приеме побывало свыше 790 человек».

Приём в резиденции китайского посла вызвал большой интерес, если не ажиотаж, у лондонской прессы и общественности. Маньчжурская империя по существу впервые явилась перед западной публикой в таком представительном и импозантном виде.

В Букингемском дворце

Это едва ли не самое торжественное событие с момента приезда китайской миссии в Великобританию происходило, по словам Чжана, 25 числа двенадцатого месяца в день *синьхай* на второй год эры правления Гуансюй. Королева Виктория принимала заморских послов, которые вручали ей верительные грамоты. Чжан Дэи, вероятно, был в Букингемском дворце раньше, ещё с посланником Бинем, однако сейчас ритуал совершался на самом высоком уровне, поэтому автор записок сообщает об этом дне с предельной точностью и разными подробностями.

«Мы вышли из экипажа. Офицер, стоявший возле ворот, одетый в красный, расшитый золотом мундир, и в каске, с пристёгнутой к поясу саблей, повёл нас внутрь. Преодолев три пролёта лестницы, мы оказались в громадной зале. Обстановка в ней была просто великолепна, всё сияло вокруг. В зале мы заметили министра иностранных дел Д. (лорд Стэнли, он же граф Дерби. – Д.В.) и других высоких персон. В три часа пополудни створы зеркальных дверей тронного зала распахнулись и в зал вошли три вельможи двора. Повернувшись, они направились к главным дверям, где вновь повернулись направо и, поднявшись на три ступени вверх, устремились к небольшому помещению у центральных дверей залы. Из них вышла королева. На ней было чёрное платье и шляпа, украшенная белыми искусственными цветами. Позади королевы шла принцесса Беатрис, одетая в серое платье. Дерби занял место справа от королевы, остальные – слева от неё. Стали подходить послы. Они делали низкий поклон, королева также отвечала им поклоном. После троекратного поклона они выстроились перед королевой на расстоянии нескольких шагов. Посол Го стоял в центре, посланник Лю позади него на один шаг слева. Я стоял справа, а Ма Цинчэнь позади меня, отступив на один шаг. Я передал государственную бумагу послу и тот стал читать».

Чжан Дэи, который в своих дневниках не слишком вдавался в суть политических событий и дипломатических коллизий, на этот раз не оставил их без внимания, понимая особую важность и торжественность момента. Он не только подробно описывает саму церемонию, но и приводит текст «государевой бумаги», в которой общие намерения Цинского двора сочетаются с видением и пониманием частного инцидента (гибель английского переводчика в джунглях Юньнани). Вот один из фрагментов этого документа:

«Государев сановник и посол Дайцинского Государства Го Ланьгао, а также его помощник Лю Сихун с почтением представляют государственную грамоту Великой Королеве Великой Англии и Великой Государыне Пяти Индий, в коей говорится: «В прошлом году в диком крае на границе с провинцией Юньнань был застрелен переводчик Ма Цзяли (Margary), в связи с чем генерал-губернатору провинции было велено сие дело расследовать... Вместе с тем, губернатор Чжили (столичная провинция. – Д.Н.) и сановник двора – *дасюэши* Ли Хунчжан в Тяньцзине должны были обсудить инцидент с государственным посланником Вашей страны Вэйдом. Однако оный, сославшись на то, что сие событие – дело прошлое, и лучше позаботиться о будущем, уклонился от обсуждения и попросил встречу отложить.

Наш государь, испытывая чувство великого сожаления, ныне отправляет в Вашу Великую страну государева посланца, дабы изложить наши соображения, и повелевает ему быть послом, чтобы выразить глубокие чувства обеих держав, их взаимную и вечную дружбу. Выражая почтение Великой Государыне-Королеве, мы надеемся на её необъятную снисходительность и гуманность в решении дел далёких и близких, дабы она могла прочувствовать мысли Великого Государя Срединной Империи. Желаем вечного мира и согласия на десять тысяч лет. Эти слова сожаления наш посол излагает в государственной бумаге, которую с почтением передаёт на высокое рассмотрение. В ней излагается причина приезда посла и выражается уверенность в надобности установления мира и согласия».

Далее Чжан Дэи продолжает описание церемонии:

«После прочтения грамоты Ма Цинчэнь вышел вперёд, держа в руках английский текст. Совершив поклон, он произнёс: «Прошу позволить мне зачитать грамоту по-английски!» Королева кивнула, дав тем самым своё согласие. Цинчэнь зачитал бу-

магу и отступил назад. Посол Го, сделав шаг вперёд, передал бумагу королеве, и она отдала её Дерби, велев ему положить бумагу на стол. Поклонившись послу, королева улыбнулась: «Мы весьма довольны. Сия государственная бумага вполне свидетельствует о подлинной дружбе наших стран. Мы благодарим Его Величество и желаем ему здоровья!» Я Мэй перевёл эти слова на китайский язык, и посол, поклонившись, ответил: «Внимаю!» После троекратного поклона он удалился и, простившись с другими гостями, направился в здание, расположенное напротив главных ворот рядом с парком, где стал ожидать экипаж».

Сразу после этого события в Лондоне начались предрождественские и предновогодние торжества, которые также сопровождались приёмами, разного рода увеселениями, о чем Чжан пишет не менее обстоятельно.

«Сегодня 26-й день, *жэньцзы*, погода ясная. Согласно традициям, каждый год в пору праздников королева выбирает день для посещения Парламента, где собираются не только чиновники, но также ремесленники и даже простолюдины, как мужчины, так и женщины. Королева заслушивает доклады о делах политических, после чего начинается общая дискуссия, во время которой оглашаются цифры расходов за прошлый год, дабы составить бюджет на год будущий. Это называется «Открытыми сессиями». В определённое время сюда приглашают и послов с домоладцами и сопровождающими их лицами. Все они приносят свои поздравления. В нынешнем году такая «Открытая сессия» будет проходить 8-го февраля по западному календарю. В означенный день глава Палаты Церемоний лорд С. от лица министра иностранных дел в письменной форме оповещает того или иного посла. В час *сы* (9 часов утра) оба наших посла в сопровождении Ли Чуньчжяя, Ма Цинчэня, Лю Хэбо, облачившись в парадное платье, отправились на приём. Улицы на расстоянии 8–9 ли были заполнены толпами людей, которые вышли посмотреть на королеву. Их старались оттеснить констебли. Кругом мы видели облако чёрных шляп. Многие дома были украшены красными и разноцветными полотнищами. Перед зданием Парламента выстроились гвардейцы в красных мундирах. Как только подъезжал какой-нибудь экипаж, они в знак приветствия вскидывали свои ружья. Мы вошли внутрь здания. У дверей справа и слева стояли стражи в красных с золотом камзолах, в чёрных штанах

Королева Виктория. Портрет из шанхайской «Иллюстрированной газеты», 1885.

и такого же цвета сапогах. Их головы украшали боевые шлемы. Поднявшись в зал, мы увидели несколько столов, на некотором расстоянии от которых стояли покрытые красной парчой кресла. В центре зала толпились придворные чины и видные сановники, подле них стояли дамы из знатных домов. Справа на некотором возвышении располагались послы некоторых стран, ибо правая сторона здесь считается почётной. Наверху были места сопровождающих лиц и мелких служащих, здесь же находились и их семьи. Знатные вельможи были облачены в сюртуки, поверх коих были красные жилеты с длинными фалдами, доходящими почти до самого пола. Чиновники пятого ранга имели белую накидку из овечьей шкуры, напоминавшую длинную и узкую доску. На ней слева и справа виднелись поперечные нашивки, соответствующие рангу. Например, у *гуна* (герцога) их четыре, у *хоу* (маркиза) – три, у *бо* (графа) – две, а у *цзы* и *наня* (виконта и барона или баронета. – **Д.В.**) – всего по одной».

Традиционные китайские титулы весьма условно соответствуют западным титулам и рангам, однако эти названия нередко встречались в китаеведческой литературе (например, в известном словаре Лю Цзэжуна, который еще до 1917 г. учился в России, даются примерно такие же эквиваленты. – **Д.В.**) Чжан не забывает сказать о законниках (судьях) и священнослужителях, которые одеты в «длинные тёмные халаты». Китайский халат *пао* может обозначать сутану и рясу, мантию судьи или адвоката и тд.

«Послы разных стран облачены в парадную форму – суконный костюм тёмного цвета. Спереди он распахнут почти до колен, а сзади две его половины длиною в 2 *чи* свешиваются вниз наподобие крыльев ласточки, образуя иероглиф “у” (этот иероглиф напоминает букву «п». – **Д.В.**). Грудь костюма расшита золотым узором, такой же узор можно видеть на воротнике, рукавах, обоих крыльях «ласточкина хвоста». Суконные штаны также тёмного цвета, причём от пояса до щиколотки они украшены золотой лентой шириной в 2 *цуня*. У некоторых из гостей правая сторона груди сияет звёздами, количество коих зависит от заслуг человека. К расшитому золотом поясу пристёгнут нож (очевидно, кортик. – **Д.В.**) или сабля, в зависимости от чина – гражданский или военный. С правого плеча наискосок к левому бедру свисает атласная лента шириной в 4 *цуня*, цвет которой различный: красный, жёлтый, зелёный, фиолетовый – кто как пожелает. У военных чинов на плечах видны золотые пластины» (термины «погоны», «эполеты» в то время в Китае были неизвестны, и автор придумывает для них такие сочетания. – **Д.В.**).

Чжан обращает внимание и на одежду некоторых послов, правда, о китайских посланниках он ничего не говорит.

«Среди послов находился посол Соединённых Штатов в обычном одеянии и без всяких украшений, поскольку он представлял управляемое народом государство (китайское словосочетание *миньчжу*, буквально «народ-хозяин», в то время ещё не приобрело современного значения «демократия». – **Д.В.**), где верхи и низы равны. Поэтому его одежда была самой скромной, и он стоял без головного убора. Послы Персии и Турции были одеты, как и все остальные, только их шляпы (здесь фески. – **Д.В.**) украшали голубые кисти. Волосы некоторых женщин были украшены цветами, а у некоторых на голове были золотые обручи. Кто-то из них стоял с обнажёнными руками и приоткрытой грудью. Их длинные белые платья касались пола».

Вид лондонских дам был, конечно, весьма необычен для китайцев, поскольку он совершенно не соответствовал китайским традиционным нормам ритуального поведения. Чжан пишет о наряде дам неоднократно, впрочем, не выражая при этом каких-то особых отрицательных эмоций.

«Когда все присутствующие оказались в сборе, законники разложили на столах бумагу и кисти и стали ожидать королеву.

Через некоторое время появился старший сын королевы, принц Уэльский, с супругой. (Чжан употребляет более понятное в этом случае слово *фэй* – «наложница» или «фаворитка», кстати, так же и в наши дни называлась принцесса Диана. – **Д.В.**). Его кресло находилось несколько правее трона королевы и было отделено от него экраном. [...] Вскоре появилась сама королева в сопровождении восьми стражей, впереди шествовал герольд с жезлом в тричи длиной, украшенным золотым набалдашником с резным изображением какого-то зверя. [...] Королева, одетая в чёрное платье, шла медленно и чинно. При её появлении все встали. Она оглядела зал, кивнула головой и села. В зале воцарилась тишина. Неожиданно двери зала распахнулись, и в зал вошла толпа чиновных людей. Они встали плотной стеной вокруг королевского места, чтобы с почтением внимать слова послания королевы, которое зачитал королевский министр К.».

Чжан приводит полный текст послания королевы Виктории в переводе на китайский язык. В нём говорилось

Королева Виктория. Рисунок сэра Уильяма Николсона. «Золотой юбилей королевы», 1897.

о политике Турции на Балканах, о положении в Южной Африке, о ситуации в Индии, о положении в самой Англии и т.д.

Незначительная часть обширных дневниковых записей китайского дипломата, представленная нами, уже сама по себе свидетельствует о весьма широком круге вопросов, которые интересовали этого человека, о его способности и умении запечатлеть увиденное в своих сочинениях. Чжан

провел в Лондоне два года, после чего был включён в состав посольства высокого маньчжурского сановника Чун Хоу, которое должно было отправиться в Санкт-Петербург. Для встречи знатного вельможи Чжан Дэи выехал из Англии во Францию, в Марсель, после чего вместе с Чун Хоу прибыл в Россию. Об этой поездке, которая была не менее интересна, – в следующем номере.

Перевод китайских текстов выполнен автором статьи по книге «Лицом к миру» («Цзоу сянь шицзе») – Чанша, 1987. – Т. 7.

Темза и здание Парламента.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из шанхайской иллюстрированной газеты «Дяньшичжай хуабao», 1885 г., а также из британских источников.